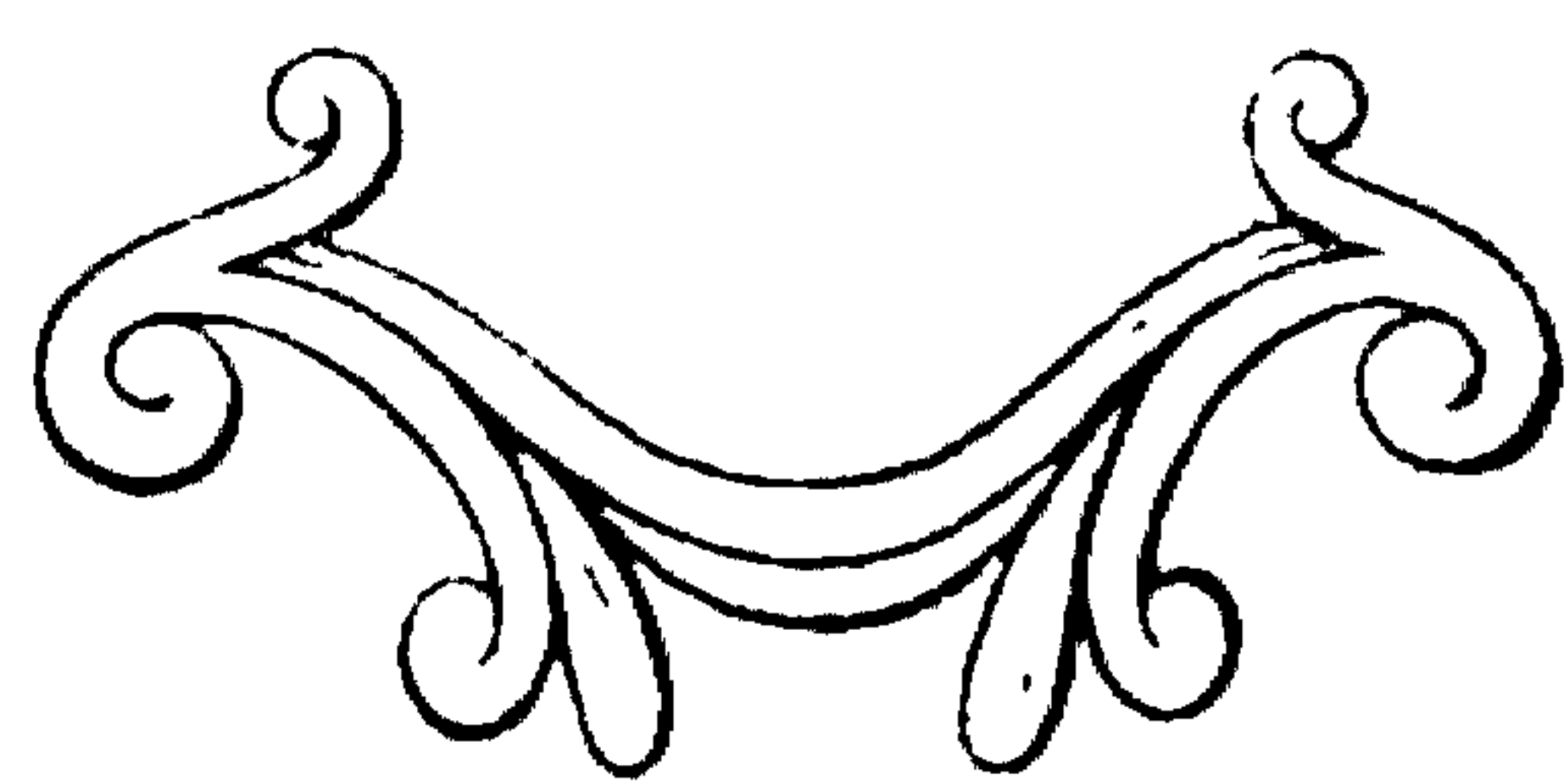

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ
РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
XI - XX
ВЕКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА - ЛЕНИНГРАД

1 9 5 8

Ю. М. Лотман

«ДВА СЛОВА ПОСТОРОННЕГО» — НЕИЗВЕСТНАЯ СТАТЬЯ П. А. ВЯЗЕМСКОГО

Рассмотрение деятельности П. А. Вяземского как литературного критика обычно начинается с участия его в полемике 1815 года, вызванной «Липецкими водами» А. Шаховского. Литературно-критические статьи, написанные до 1812 года, в исследовательских работах обычно не упоминаются.¹ К двум известным прежде статьям («Запросы господину Василию Жуковскому от современников и потомков» и «Письмо к К. Н. Батюшкову»), относящимся к 1810 году и включенным в первый том Полного собрания сочинений, мы можем добавить еще одну статью, видимо, являющуюся первым выступлением Вяземского-критика в печати. В № 9 журнала «Цветник» за 1809 год была опубликована присланная «из Москвы от неизвестного» статья «Два слова постороннего». Авторство ее устанавливается следующим образом: находящийся в Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина комплект журнала «Цветник» в свое время побывал в руках известного библиографа С. Д. Полторацкого. На чистых листах перед задней крышкой переплета он помечал свои соображения относительно авторства псевдонимных и анонимных материалов, опубликованных в журнале. В третьей части журнала за 1809 год среди других заметок читаем: «Князь Петр Андреевич Вяземский. Его статья, стр. 391—396 (он сам мне это сказал. 7 марта 1868). С. Полторацкий».² Ввиду бесспорной авторитетности этого свидетельства и значительного интереса, который представляет статья для определения литературной позиции Вяземского в те годы, приводим ее текст полностью:

Два слова постороннего

«Прочитав в „Аглае“ письмо, заключающее мануфактурное замечание сельских барынь об ошибке автора „Марьиной роши“, я ждал с большим нетерпением ответа издателя „Вестника Европы“: мне хотелось видеть войну двух издателей журналов, читаемых во всей империи, и войну о веретене. Долго ожидание мое было тщетно, и я наконец не знал уже, чему приписать бездействие оскорбленного. Неужели, говорил я себе, он

¹ См.: Н. К. Кульман. Кн. П. А. Вяземский как литературный критик. «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», 1904, т. IX, кн. 1; см. также капитальное исследование «Вяземский-критик» — главу в докторской диссертации Н. И. Мордовченко «Русская критика первой четверти XIX века» (ч. ч. I—II, 1948, Ленинградский государственный университет, машинопись).

² В «Опыте словаря псевдонимов русских писателей» В. С. Карцова и М. Н. Мазаева (СПб., 1891, стр. 150) есть указание на наличие в № 9 «Цветника» за 1809 год псевдонимной статьи П. А. Вяземского. Однако авторы не указали ни названия статьи, ни источника сведений, а сообщение это не привлекло внимания изучавших деятельность Вяземского-критика.

так поражен сильным нападением противника своего, что не находится в возможности отражать его удары или, согласуясь с правилами осторожности, требующей всегда медлительности в исполнении, не собирается ли он силами на вернейшее защищение? Однако ж 16 книжка „Вестника Европы“ доказала мне, что я ошибался в обоих случаях. Отсутствие г. Жуковского было просто единственною причиною сумнительного молчания. Наконец оно прервано и вместо мщения мы увидели благодарность, сияющую во всем своем блеске. Признаюсь, нельзя без трогательного чувства, без умиления видеть тонкую осторожность, нежные укоризны, с одной стороны, с другой — признательность и великодушие! Эпитет „любезного“, столь приличный обоим издателям, находится при каждом обращении одного к другому.

«Сия учтивость г. издателя „Аглаи“ и признательность г. издателя „Вестника Европы“ подают и мне смелость сказать два слова критики, но не о веретене.

«В одном обществе один, не скажу из пламенных, но просто один из читателей „Аглаи“, раскрыв самую ту книжку любопытного журнала, в котором содержится вышеупомянутое письмо, стал читать ее вслух. Седьмая строка первой страницы остановила его. Г. автор говорит в ней, что в столице неизвестные красавицы остаются без внимания. Прошу покорнейше г. сочинителя сказать мне, как же и могли бы они, будучи неизвестны, не оставаться без внимания? Далее, то есть на второй странице, на секунду прервали чтение душа и сердце матери Полины, которое служило дочери школою, системою и методою. На той же странице остановило нас имя г-жи Даламбер, имя, совсем нам неизвестное, но после нескольких минут искон решили мы, что г. издатель „Аглаи“, перекрестивший в прошлом году Буфлера в Буфле, мог по такому же капризу из известной г-жи Ламбер сделать какую-то Даламбер. В другом же месте нашли мы еще случай подивиться странности такого же рода г. издателя; но тут уже не перекрещение, а превращение. Он превратил Грессета в Мольера и приписывает сему последнему стих:

Elle a d'assez beaux yeux pour les yeux de province,

когда все знают, что этот стих находится в известной грессетовой комедии „Le Mechant“. Но довольно, нельзя исчислить все минуты, в которые читатель отдыхал *принужденным отдыхом*. Заметим только несколько из них: „Полина росла телом и душою в очах материнских“. *Мертвое равнодушие и холодные истуканы*, — когда же равнодушие бывает живое, истуканы не холодные? *Кимвальный звук слов! Здание чистых, безмятежных радостей! Душа, растерзанная потерями сердца*.

«Наконец, однако ж, дочитали мы историю Полины, и все в один голос сказали: к чему растянуть рассказ на 25 страницах для того, чтоб сказать, что какая-то Полина *росла, вышла замуж и сделалась беременною*? Ибо вот все, что мы о ней узнали.

«„*Всякое замсчание*, — по словам г. издателя „Аглаи“,³ — от кого бы оно ни происходило, в каком бы виде представлено ни было, приносит некоторую пользу истинному дарованию, умеющему пользоваться всеми случаями, подобно как всею натурою“. Следовательно, два слова постороннего не могут оскорбить самолюбия г. издателя „Аглаи“.

N.».

³ «Аглая», ч. VII, кн. 1, стр. 26 (примечание П. А. Вяземского).

Приведенная статья весьма показательна для позиции Вяземского-критика в эти годы. Поводом для ее появления были следующие обстоятельства: в июльском номере журнала П. И. Шаликова «Аглая» за 1809 год появилось «Письмо к любезному издателю „Вестника Европы“». Шаликов, с обычной для критики карамзинистов ссылкой на «разборчивых дам», указал на неточность в повести Жуковского «Марьяна роца». Цитируя то место, где героиня «сидела за самопрялкой и роняла из рук веретено», Шаликов добавляет: «...сельские барыни вскрикнули почти: „Марья не могла ронять веретена, потому что она сидела за самопрялкой. следовательно, веретена не было“». ⁴ Шаликов сделал также замечание относительно подарков Рагдая Марье в повести Жуковского, снова сославшись, что оно «принадлежит грациям». ⁵ В № 16 «Вестника Европы» за 1809 год появился ответ Жуковского — «Благодарность любезному издателю „Аглаи“». Жуковский отказался от полемики, считая, что ему остается, «отвечав» Шаликову «как справедливому и любезному критику», поблагодарить его «как доброго приятеля». ⁶

Вмешавшись анонимной статьей в обмен любезностями между издателями «Вестника Европы» и «Аглаи», Вяземский сразу же резко очертил свою собственную, весьма примечательную позицию. Хотя много позже в автобиографической заметке Вяземский и вспоминал, что в детские годы находился «под сантиментальным наитием Шаликова», ⁷ однако к моменту создания статьи с этим уже, видимо, было покончено: отношение к Шаликову резко отрицательное. Вяземский издевается над стилем повести «Полина», а вся статья написана, как пародия на стиль «Письма к любезному издателю „Вестника Европы“». Из статьи Шаликова взяты и «мануфактурное замечание сельских барынь», ⁸ и упоминание «журналов, читаемых во всей империи», ⁹ и ряд других выражений, выделенных самим Вяземским курсивом. Однако статья Вяземского имеет более серьезную цель, чем осмеяние Шаликова, писания которого вызывали улыбку и у наиболее ревностных поклонников сантиментальной литературы. Обращает внимание то, что Вяземский не защищает Жуковского от Шаликова, а нападает на литературные принципы, общие для обоих писателей. В первую очередь он осуждает само отношение к критике — отказ от борьбы, замену полемики любезными фразами. Вяземскому «хотелось видеть войну двух издателей журналов», а вместо этого «мы увидели благодарность, сияющую во всем своем блеске». И далее: «Признаюсь, нельзя без трогательного чувства, без умиления видеть тонкую осторожность, нежные укоризны, с одной стороны, с другой — признательность и великодушие! Эпитет „любезного“, столь приличный обоим издателям, находится при каждом обращении одного к другому». Между тем возмущившая Вяземского манера критики не была ни случайной, ни зависимой от личных качеств характера Жуковского и Шаликова. Она вытекала из принципиальных установок карамзинистов в этот период. Отрицая возможность постижения объективной истины, Карамзин считал ложной любую теоретическую позицию и тем самым дискредитировал самую идею литературной критики. Вместо борьбы и убежденности — терпимость и скепсис; не осуждая плохого, хва-

⁴ «Аглая», 1809, июль, стр. 27.

⁵ Там же, стр. 28.

⁶ «Вестник Европы», 1809, ч. 46, № 16, стр. 287.

⁷ П. А. Вяземский, Полное собрание сочинений, т. I, СПб., 1878, стр. XII.

⁸ «Аглая», 1809, июль, стр. 27.

⁹ Ср. у Шаликова: «...подал мне приятную мысль написать к любезному издателю журнала, во всей империи читаемого» («Аглая», 1809, июль, стр. 26).

лить хорошее, — таковы были принципы Карамзина-критика. В программном вступлении к первому номеру «Вестника Европы» за 1802 год Карамзин писал: «... точно ли критика научает писать? не гораздо ли сильнее действуют образцы и примеры? и не везде ли таланты предшествовали ученому, строгому суду? La critique est aisée, et l'art est difficile!¹⁰ Пиши, кто умеет писать хорошо: вот самая лучшая критика на дурные книги!». И далее: «Не знаю, как другие думают, а мне не хотелось бы огорчить человека даже и за „Милорда Георга“, пять или шесть раз напечатанного. Глупая книга есть небольшое зло в свете. У нас же так мало авторов, что не стоит труда и пугать их. Но если выйдет нечто изрядное, для чего не похвалить?»¹¹

Вяземский, сохранивший на всю жизнь верность литературным принципам карамзинизма, чутко отражал, однако, внутреннюю эволюцию левого течения в этом литературном направлении. Не порывая с общими принципами карамзинизма, он выдвигает на первый план идею свободы личности (показательно в этом отношении несколько более позднее боевое переосмысление им формулы Карамзина: «все для души»). В его творчестве растут мотивы борьбы, а это в свою очередь повышает интерес к борьбе литературной, к полемике, литературной критике.¹² Если Карамзин считал, что литература предшествует «ученому, строгому суду» критики, то позиция Вяземского уже подготавливала формулу Бестужева о критике как предшественнице литературы.

Не менее знаменательно и другое: Вяземского не удовлетворяет не только отношение старшего поколения карамзинистов к критике, не только их перифрастический стиль, но и темы их произведений. Очень типичное для последователей Карамзина начала XIX века содержание повести «Полина» кажется Вяземскому ничтожным. Рассказ о том, «что какая-то Полина росла, вышла замуж и сделалась беременной», по его мнению, не имеет права на внимание читателей. О том же, что он считал действительно достойным внимания поэта, свидетельствуют его «Запросы господину Василию Жуковскому от современников и потомков».

Предпринятое Жуковским издание хрестоматийного типа «Собрание русских стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев» подобрано было на основании определенных принципов. Жуковский уделял место «высокой» одической поэзии, содержащейся лишь в произведениях писателей далекого прошлого — первой половины XVIII века; в современной лирике он подчеркивал именно легкую поэзию, поэзию карамзинистов. Образцы современной торжественной поэзии были подобраны из Шишкова и Боброва, видимо, не без намерения дискредитировать сам жанр. Вяземский резко осудил издателя за то, что он не захотел «нам показать лучшего нашего перевода из Горация, то есть „Оды к Венере“ Востокова, а напечатал уродливейший, то есть Боброва: „О ты, Бландузский ключ кипящий“». Далее он спрашивал Жуковского: «Отчего предпочли вы „Похвалу зиме“ Шишкова оде Востокова „На зиму“, или потому, что в первой стихи подобны следующим: „О, какие тут дурные есть личищи на игрищи“, а во второй подобны этим: „От Ладоги на белых льди-

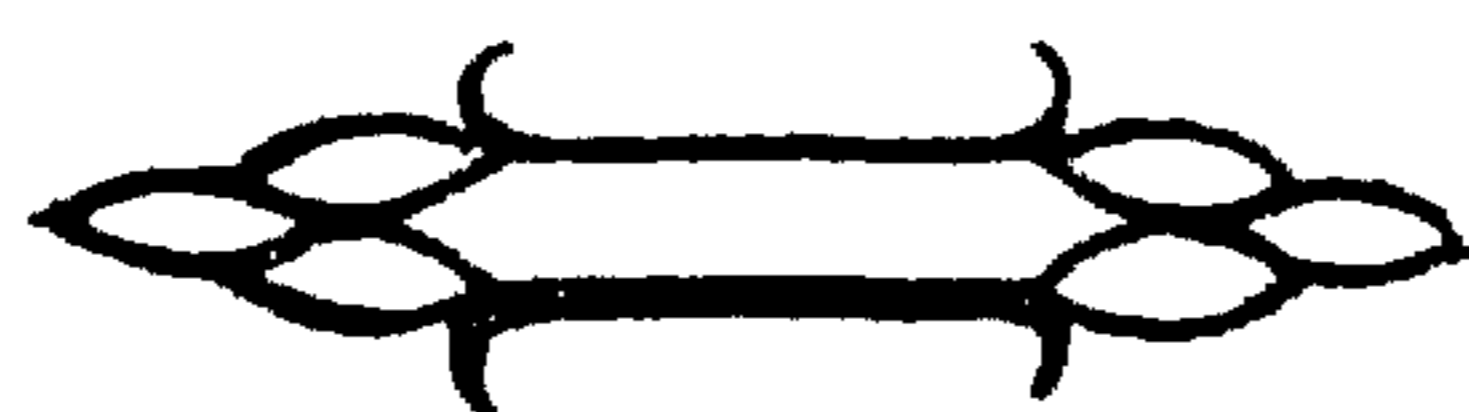
¹⁰ Критика легка, а искусство трудно (франц.).

¹¹ «Вестник Европы», 1802, № 1, стр. 7—8.

¹² Позиция Вяземского не случайна. Показательно, что если в первом десятилетии XIX века инициатива литературной полемики явно находилась в руках противников Карамзина, а сторонники «нового слога» чуждались борьбы, то во втором десятилетии нападающей стороной делаются молодые карамзинисты — «арзамасцы». Сам факт изменения отношения к литературной борьбе означал определенную внутреннюю эволюцию.

нах течет зима к нам по реке, глава сей старицы в седилах, железный скиптр в ее руке?»¹³ Энергичная защита Востокова и Державина — своеобразная черта в позиции убежденного карамзиниста. Особенно же показательно, что Вяземский резко упрекает Жуковского за то, что он не напечатал «прекрасного перевода Мерзлякова Тиртеевых од». Переводы Мерзлякова из Тиртея были задуманы им и воспринимались современниками как образцы «спартанской», героической поэзии. Не случайно образ Тиртея сделался одним из любимейших в поэзии декабристов. «Ничтожности» содержания сентиментальных повестей и «легкой», любовной поэзии противопоставляется, таким образом, гражданственная, героическая лирика.

Показательно, что свою статью Вяземский послал не в какое-либо из московских изданий, а в журнал А. П. Бенитцкого «Цветник». Этот любопытный и мало исследованный журнал, равно как и издатель его Бенитцкий, бесспорно, должны заинтересовать исследователя предыстории литературных воззрений декабристов. Не случайно почти одновременно с Вяземским на страницах этого журнала дебютировал П. А. Катенин — сочетание имен, которое тщетно будет пытаться возобновить Пушкин, проектируя в 1824 году издание журнала.¹⁴

¹³ П. А. Вяземский, Полное собрание сочинений, т. I, стр. 1—2.

¹⁴ См. его письмо к П. А. Вяземскому от 7 июня 1824 года: Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XIII, Изд. Академии наук СССР, 1937, стр. 96.